

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

М.Г. ЛАЗАР

ЭТИКА НАУКИ В СССР – РОССИИ: ОЧЕРК ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье исследуется история зарождения и развития этики науки в СССР-России с 60-х гг. XX в. по настоящее время как нового научного направления, ставшего составной частью философии и социологии науки. Раскрыты основные традиции в изучении взаимоотношений науки и морали, нормы этоса классической и современной, постакадемической науки.

Ключевые слова: советская наука, академическая наука, этика ученого, этика науки, этос классической науки, нормы постакадемической науки.

Попытка воссоздания истории становления и развития любого нового научного направления связана с рядом трудностей, преодолеть лишь отчасти. Это особенно касается этики науки, в утверждении и развитии которой автор этих строк принимал и принимает непосредственное участие. То, что 40 лет назад выглядело легковесным занятием философа-этика, сегодня — признанное новое научное направление, составная часть науковедения.

Первая трудность связана с невозможностью устранения определенной доли *субъективности*, так как восприятие и изложение событий в социальных науках с неизбежностью включает оценки вклада других авторов, отношение к ним пишущего. Здесь недостаточно проявить элементарную научную скромность (что требует сам объект анализа), а необходимо не допускать переоценку своей роли и своего вклада в утверждении определенных идей. Проявить дозированную скромность нелегко и не всегда полезно для самой науки, особенно в области социально-гуманитарных наук. Например, для некоторых московских философов до сих пор, кроме Москвы, в других городах России не существует ни философии, ни социологии и уж тем более — философии и социологии науки, этики науки в частности.

Лазар Михай Гаврилович — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ). **Адрес:** 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., д. 98. **Телефон:** (812) 444-59-47. **Электронная почта:** mihai_lazar@mail.ru

Вторая трудность касается манеры изложения истории данного научного направления. Ее можно представить в виде более или менее детального и полного библиографического обзора, без сколько-нибудь глубокого анализа содержания этих работ, специфики идей и подходов исследователей. Но историю науки можно и желательнее представить в виде *истории идей, подходов, сложившихся традиций* изучения предмета и изложения проблем этики науки в различных регионах страны.

Третья трудность связана с оценкой социального контекста, политической и идеологической атмосферы, в которой зародилось и развивалось новое научное направление науковедения. Молодому поколению сегодня трудно порой понять ту ситуацию, в которой работали ученые в советский период истории науки, поэтому без такого «вписания» науки в эпоху невозможно воспринимать многие аспекты данной темы.

Зарождение интереса к этической проблематике науки в СССР, начало формирования этики науки как нового направления философии и социологии науки относится к концу 60-х – началу 70-х гг. XX века, когда в США уже появились работы Р. Мертона и других авторов — в разных странах, посвященные этосу науки. Отправными точками можно считать статью философа-этика, члена редколлегии журнала «Вопросы философии» А.Ф. Шишкина «Об этике ученого» (1966) [32] и московский сборник «Наука и нравственность» (1971) [19], которые будут нами рассмотрены чуть ниже. Этот противоречивый период интересен тем, что в СССР наука и ученые пользовались огромной популярностью в обществе и вниманием власти. Это период побед СССР в освоении космоса, период пропаганды «преимуществ» советской науки и советской власти, все еще «строящей коммунизм», а с начала 1970-х — «реальный социализм». Советская власть в короткий период так называемой «хрущевской оттепели» пыталась открещиваться от культа личности Сталина и реабилитировала многих ученых и научные дисциплины, репрессированные в сталинские времена. Это относится не только к генетике и биологии в целом, к кибернетике, но и к социологии и отчасти философии и этике. Можно сказать, что советская власть тогда испытывала очевидный интерес к науке, положительному имиджу ее творцов. Ученые разных специальностей привлекались властью в качестве консультантов, правда, в специфической форме и с правом власти поступать в итоге как ей заблагорассудится.

Одновременно 1960–1970-е гг. — это период роста международных контактов советских ученых, их постепенного и относительно безопасного знакомства с достижениями западноевропейской и американской социологии, этики, философии, науки в целом и науковедения, в частности. Правда, это знакомство осуществлялось в форме обязательной «критики» буржуазной философии и социологии и под жестким идеологическим контролем властей. Ведь тогда официально

признавалась только «единственно верное марксистско-ленинское учение», поэтому запросто можно было «зарубить» в издательствах на этапе рецензирования и не печатать те работы в области социально-гуманитарных наук, которые, по мнению рецензентов или цензоров властей, «протаскивают» в советскую науку «чуждые марксизму идеи и положения», «буржуазные» идеи, методики. Эти формулировки так называемых «черных рецензентов», работавших в издательствах, висели, как дамоклов меч над обществоведами. В таких условиях выдвигать мало-мальски новые теоретические положения можно было осторожно, закамуфлировано, прикрываясь на каждом шагу ссылками на классиков марксизма-ленинизма, выискивая в их работах утверждения, идеи, пассажи, касающиеся именно данного аспекта проблемы. Современному поколению обществоведов порой непонятно, почему в работах тех лет так много цитат из классиков марксизма, так много ссылок на их работы. Но без этого работы просто не печатали. Помнится, как долго в 1978 г. при сдаче в издательство «Наука» в Ленинграде своей первой монографии «НТР и нравственные факторы научной деятельности» (в соавторстве с И.И. Лейманом) [5] нам пришлось доказывать редактору необходимость подзаголовка «Очерки этики науки». Зачем, мол, ведь термин «этика науки» в СССР не существует. Даже в период горбачевской перестройки, в 1985 г., учитывая этот опыт, все еще приходилось сомневаться, а не рано ли публиковать в СССР книгу с названием, которое включает несуществующий термин — «Этика науки»?

Противоречивость этого периода проявляется и в том, что, несмотря на вышеуказанное, чувствовалось определенное влияние зарубежной социологии науки. В эти годы был напечатан сборник «Наука о науке» (1968 г.), объединяющий статьи советских и западных авторов, а *науковедение* становится признанным в СССР новым научным направлением. Начало 1970-х гг. характеризуется выходом в свет множества работ, посвященных тем или иным аспектам изучения науки. Это книги Г.М. Доброва — «Наука о науке» (Киев, 1970), И.И. Леймана — «Наука как социальный институт» (Л., 1971), И.А. Майзеля — «Наука. Автоматизация. Обществ» (Л., 1972), Е.З. Мирской — «Ученый и современная наука» (Ростов-на-Дону, 1971), «Научные кадры Ленинграда» (Л., 1973) и другие, не говоря о множестве монографий и сборников статей, посвященных научно-технической революции (НТР), модной в 1970-е годы тематике. Однако в науковедческих работах 1960 – начала 1970-х гг. этические проблемы науки еще не представляли самостоятельного интереса, на них не было обращено внимание науковедов или социологов науки. Эта тема постепенно становится актуальной лишь в 70-е, когда ее начинают исследовать практически одновременно в разных научных центрах СССР — в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону.

Поэтому есть основание утверждать, что статья А.Ф. Шишкина «Об этике ученого» 1966 года стала действительно первой ласточкой анализируемого нового направления. Красноречивы подзаголовки статьи: «1. Служить истине — служить трудовому человечеству»; «2. Есть ошибки и ошибки. О принципиальности ученого»; «3. О скромности и любви к науке»; «4. Мировоззрение и этика, познание и моральные ценности» [32, с. 14–23]. Манера написания статьи полностью соответствует традиции того времени, в ней представлены идеи классиков марксизма по поводу этики ученого, есть их цитирование, хотя и умеренно. Статья написана не науковедом, не социологом науки, а профессиональным философом-этиком, занимающимся наукой, то есть знакомым с проблемами научного творчества, а возможно, с работами Р. Мертона, Б. Барбера, Н. Сторера, хотя они и не упоминаются. Но автор касается реальных, практических этических проблем научной деятельности советского периода. В этом смысле, даже при поверхностном контент-анализе статьи, она может быть названа, на наш взгляд, программной, хотя автор и не ставил себе такой цели. А.Ф. Шишкин, видимо, был все-таки в курсе того, что зарубежные авторы, не только американские, но и болгарские, румынские, польские или чешские, в эти годы успели написать множество статей и книг, развивающих ключевые слова анализируемой статьи: «любовь к науке», «научная добросовестность», «научная честность», «смешивание административного авторитета и научного авторитета», «научная критика», «корпоративный дух и истина», «литературная компиляция», «плагиат». Это наиболее часто употребляемые А.Ф. Шишкиным слова, словосочетания, отражающие этические проблемы советской науки, этику ученого. Кстати, в упомянутой нашей с И.И. Лейманом книге, посвященной этике науки [5], мы опирались именно на эти ключевые слова, как и на работы авторов из соцстран, а также на работы Р. Мертона, Н. Сторера и др. И все-таки в статье А.Ф. Шишкина не встречается определения морали, нравственности и этики, хотя работа написана признанным этиком. Все излагается на интуитивном уровне, употребляемые понятия как бы не нуждаются в определении или разъяснении, ведь тогда признавалась лишь одна мораль — коммунистическая, выражающая интересы рабочего класса. Отсутствие собственного понимания морали и категорий этики, употребляемых понятий стало традиционным для некоторых работ по этике ученого, этике науки, опубликованных в последующие 70–80-е гг. прошлого столетия.

Вторая из упомянутых работ, свидетельствующая о росте внимания советских исследователей к данной тематике в начале 1970-х гг., — московский сборник «Наука и нравственность» [19]. С ним у автора этих строк связан выбор исследовательской темы на всю жизнь. Весной 1972 г., после моего поступления годом раньше на работу в ленинградский сектор Института философии АН СССР, руководитель

сектора философских проблем молодежи проф. А.Г. Харчев, известный социолог семьи и этик одновременно, поручил мне рецензировать эту книгу. Но рецензия не была востребована, потому что осенью 1972 г. А.Г. Харчева перевели на работу в Москву, где он стал организатором и главным редактором журнала «Социологические исследования», который начал регулярно выходить с 1974 г. Однако именно эта книга, вернее, неудовлетворенность ее абстрактным содержанием, и стала для меня побудительным мотивом к более глубокому уяснению данного вопроса. В дальнейшем я стал серьезно заниматься именно этой темой, печатать статьи по этой проблематике, поначалу, естественно, совместно со своим руководителем по кандидатской диссертации — канд. филос. наук И.И. Лейманом.

Сборник «Наука и нравственность» вышел под редакцией канд. филос. наук В.И. Толстых, в нем участвовали многие московские философы. Но проследив в последующие годы за публикациями участников сборника, я заметил, что практически никто из них больше этой темой не стал заниматься. Видимо, считали ее слишком легковесной для серьезных философов. Такое отношение к теме почувствовал автор этих строк и на себе в 1970-1980-е гг. со стороны многих представителей научного, в частности философского, сообщества Ленинграда. Меня не устраивал тогда чрезмерно абстрактный, философский характер статей сборника, хотя среди них были интересные работы философов, рассуждавших о соотношении ценностей науки и морали, ценностей и знаний, статьи ученых-естественников, а также статьи историко-научного плана (о нравственном подвиге Дж. Бруно, о Галилео Галилее). Мне хотелось увидеть более конкретный анализ роли морали в науке, видимо, начало сказываться участие в эмпирических социологических исследованиях, проводившихся И.И. Лейманом и его группой по изучению интересов и потребностей научной молодежи, ее адаптации к научной среде, мобильности ученых.

Заметный толчок изучению этических проблем науки дал круглый стол на тему «Наука, этика, гуманизм», который в 1972 г. проводил главный редактор журнала «Вопросы философии» И.Т. Фролов. Эти материалы были опубликованы в данном журнале в 1973 г. [21]. Можно согласиться с мнением Б.Г. Юдина о том, что «именно этот “круглый стол” ВФ положил начало *систематическому* изучению этических проблем науки. Другие же попытки, нередко очень содержательные, по тем или иным причинам не получали продолжения, так что всякая последующая дискуссия стартовала как бы с нуля, по сути “открывая” тематику заново» [38, с. 35]. Остается только неясным, кто же, кроме него и И.Т. Фролова, осуществил это «систематическое изучение» в дальнейшем и кто авторы этих неудачных «попыток»?

По нашему мнению, оценивая публикации 70–80-х гг. в СССР по теме «наука и мораль», можно констатировать, что тогда *уже начали складываться определенные традиции* ее исследования, поскольку

именно на 70-е и первую половину 80-х гг. приходится львиная доля публикаций на данную тему. На наш взгляд, можно выделить следующие четыре наиболее распространенные традиции, подхода к изучению проблем этики науки, этики ученого в частности.

Первая, наиболее ранняя традиция, уже отмеченная выше, заключается в рассмотрении всей этической проблематики научной деятельности на общефилософском уровне. Кроме сборника «Наука и нравственность», — это работы Н.В. Мотрошиловой, Б.Г. Юдина, И.Т. Фролова и др. [см.: 18, 28, 29–31, 37, 39], то есть московских авторов. В рамках этой традиции, как будет показано ниже, исследователи, хотя и раскрывали весьма широкий круг этических проблем науки, главное внимание уделяли этическим проблемам генетики и биологии в целом, проблеме гуманизма науки [см.: 30, гл. 5, 6, 7]. Эта тематика получила продолжение в их работах 1980-1990 гг., по преимуществу — у Б.Г. Юдина.

Так, в статьях И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина [37, 39, 29, 31] и их совместной монографии 1986 г. «Этика науки. Проблемы и дискуссии» [30] особое внимание уделялось гуманистическим проблемам науки, биоэтике, то есть этическим проблемам генетики и двойственному характеру генной инженерии, а в перспективе прогнозировалось, что «...мы получим новую интегральную дисциплину: *социологию и этику науки*» [30, с. 11]. Как отмечали эти авторы, с помощью генной инженерии можно в неограниченном количестве получать новые, ранее труднодоступные медикаменты и избавить людей от наследственных болезней путем замены патологических генов нормальными. Но одновременно авторы указывали на потенциальную угрозу генной инженерии для человечества, поскольку манипуляции ее методами затрагивали самые интимные механизмы генетических саморегулирующихся процессов, что, в конечном счете, могло привести к созданию организмов с совершенно новыми генетическими качествами, эволюционно не обусловленными [30, с. 289–291]. Еще в 1974 г. создатель методов получения новых гибридных молекул ДНК обратился к ученым всего мира с призывом наложить мораторий на эксперименты с рекомбинантами ДНК до принятия надежных правил эксперимента, исключающих опасность инфицирования новыми генетическими комбинациями. Впервые со стороны самого научного сообщества прозвучал призыв ограничить свободу исследований — с тем чтобы оценить возможный риск и выработать меры предосторожности. Это вызвало бурные дискуссии по этическим проблемам науки и ответственности ученых в мировом научном сообществе, осознавшем необходимость этических самоограничений внутри науки. Дискуссия не оставила равнодушным и советское научное сообщество. Б.Г. Юдин писал: «В феврале 1975 г. в Калифорнии проходила международная конференция, имевшая целью выработать меры предосторожности для проведения этих исследований. В ней принимали уча-

стие и лидеры нашей молекулярной генетики В.А. Энгельгарт и А.А. Баев. Именно они “занесли” тогда на нашу почву “вирус” интереса к этическим аспектам развития генной инженерии» [38, с. 37]. Пожалуй, именно этот аспект этики науки становится главным в научных публикациях тогдашнего академика И.Т. Фролова и кандидата философских наук, а ныне член-корреспондента РАН Б.Г. Юдина, написавших раздельно множество статей на эту тему и совместно — монографию. Тогда эти аспекты действительно прозвучали впервые в мире, и они начали обсуждаться во всех странах, включая СССР. Правда, некоторые видные ученые-соотечественники тут же обвинили И.Т. Фролова в обскурантизме: как же так, ведь запрет на исследования, приостановление исследований остановит прогресс науки!! Суть, однако, в другом: идеологизированное сознание многих советских ученых не допускало тогда мысль о *возможности этического и гражданского самоконтроля, о самостоятельной приостановке самими учеными своих исследований*. Эта прерогатива принадлежала, видимо, в их сознании только властям, советской власти или администраторам от науки. В этом и была крамольность идеи этического самоконтроля в науке. Присутствовала в этих дискуссиях и другая крамольная по тем временам мысль: каждое исследование должно пройти этическую экспертизу. Это — требование его этической обоснованности, этической приемлемости, которое должно предшествовать исследовательскому проекту. «Иначе говоря, сам замысел намечаемого исследования, его идея должна быть такой, чтобы оно было реализуемо не только методологически, не только технически и технологически, но и этически» [38, с. 39–40]. То есть этический момент оказывается встроенным в само исследование с самого начала. Но дальше этого утверждения авторы не идут в этическом анализе, так как не указаны практические пути осуществления этих требований этики науки.

Пожалуй, здесь и расходятся исследователи проблем этики науки в понимании ее сути и роли. В работах представителей этой традиции содержится некое определение предмета этики науки и ее деление на внешнюю и внутреннюю [см.: 30, с. 10–12; 36, с. 365–366], раскрывается гуманистическая направленность науки, суть сциентизма и анти-сциентизма, вклад отечественных и зарубежных ученых в исследование этих проблем. Но указанные авторы на деле трактуют этику ученого скорее как некий внешний контроль общества, в их работах не встречается определение сути морали и нравственности, в частности профессиональной морали (этики) ученого, содержания нравственного выбора ученого, а этика науки в их понимании не включает изучение обратной связи в паре «наука – мораль», то есть воздействия научных знаний, самой науки на мораль и нравственный прогресс.

В рамках *второй традиции*, воплощенной в работах М.П. Медянцева 1970-х годов (Казань) и некоторых других авторов, этические аспекты науки рассматриваются под углом зрения граждан-

ской, социально-этической ответственности ученых, которая как бы «покрывает» все морально-этические проблемы науки [14, 13]. В эту же традицию вписывается и коллективная монография «Социализм и наука» (1981 г.) [24], в которой этическая проблематика науки, кроме разных аспектов ответственности науки и ученых, лишь кратко упомянута в виде идеи социального контроля в научной деятельности, и только вскользь говорится о существовании моральных норм науки. Проблема ответственности ученого, действительно, намного шире чем другие аспекты представлена в литературе тех лет — как научной, так и публицистической, видимо, поэтому позже ей стали уделять меньшее внимание.

Третья традиция исследований этики науки состоит в частичном игнорировании проблем ответственности ученых, зато в них обоснована правомерность существования профессиональной морали ученого, впервые выделены наиболее существенные уровни и типы нравственных отношений в науке, рассмотрены другие важные аспекты соотношения науки и морали, как, например, соотношение научно-технического и нравственного прогресса, научных знаний и моральных ценностей. Это работы В.П. Коблякова [4], Г.И. Полушина [23], Ю.Н. Тундыкова [27] и др., небольшие по объему (как правило, научно-популярные брошюры общества «Знание» или статьи в сборниках). В этих работах, обладающих указанными достоинствами, отсутствует одна очень важная сторона исследования этики ученого: раскрытие механизма действия профессиональной морали ученого, его конкретного содержания — в дополнение к простому перечислению нравственных черт ученого, необходимых для успешного выполнения им профессиональных обязанностей, как это было сделано в указанной работе А.Ф. Шишкина. Например, в брошюре Г.И. Полушина «Нравственная функция научной деятельности» нормы профессиональной морали ученого сведены к «элементарным нравственным качествам личности»: честности, правдивости, добросовестности, скромности и др. [23, с. 16]. Иными словами, в работах авторов этого направления исследований, представляющих разные регионы СССР, но опубликованных в Москве, отсутствует социологическое углубление, реальный этический анализ моральных норм науки.

Последняя традиция в нашем изложении, возникшая и развивающаяся одновременно с другими, — это традиция социолого-научно-философского, философско-этического подхода к моральным проблемам науки. Она содержится в работах ученых М.М. Карпова [20], М.Г. Лазара и И.И. Леймана [11, 5], Е.З. Мирской и ее аспирантов [34, 17] (как периода ее работы в Ростовском университете, так и настоящего московского) [16], а также в работах других авторов. Для этого направления исследований характерно реальное сочетание социологического (научно-философского) и философско-этического подходов при анализе взаимодействия науки и морали, действия

морального фактора в научной деятельности, этических проблем науки в целом.

Е.З. Мирская с 1968 г. опубликовала работы по этой теме, в которых последовательно осуществляет социолого-наукоеведческий и этический подход при изучении этических проблем науки; она (совместно с В.П. Киященко) — вдохновитель и организатор издания последнего по времени монографического исследования этой проблематики «Этос науки» (2008) [35]. М.Г. Лазар с 1972 г. активно продолжает исследовать проблемы профессиональной морали ученых, регулятивных возможностей этических норм в науке, широкий спектр проблем *взаимоотношений науки и морали*, раскрытых им в статьях и двух монографиях [5, 9]. Он впервые в СССР в 1978 г. ввел в научный оборот термин «этика науки», четко определил ее предмет, а в 1988 г. совместно с Б.М. Фирсовым и В.А. Ядовым участвовал в разработке первого в СССР проекта профессионально-этического кодекса социологов, который с некоторыми изменениями был принят Советской социологической ассоциацией АН СССР в следующем году [12].

Вышеизложенное характеризует период зарождения и утверждения этики науки как нового научного направления в советской философии и социологии науки, науковедении в целом (1960–1980-е гг.). Признанием научным сообществом этого нового направления и, одновременно, свидетельством его институционализации явились две цитированные выше монографии середины 1980-х гг. с одним и тем же названием — «Этика науки»: М.Г. Лазара (1985) [9] и И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина (1986) [30], в которых с разных позиций анализируются этические проблемы науки, научной деятельности. Подзаголовки указанных книг свидетельствуют, как мы уже упоминали, о различиях в подходе к анализу исследуемых проблем. У М.Г. Лазара преобладает этико-социологический подход, а у И.Т. Фролова и Б.Г. Юдина — общефилософский, с углубленным рассмотрением биоэтической проблематики. М.Г. Лазар в большинстве своих публикаций на эту тему стремится показать свое видение морали, понимание ее структуры, а в монографии «Этика науки» 1985 г. содержится развернутое определение этой дисциплины, изучение двусторонних отношений науки и морали. Приведем названия глав монографии: 1. Наука в системе общественных отношений; 2. Мораль как способ освоения мира; 3. Наука и мораль: формы взаимоотношений; 4. Мораль в сфере науки; 5. Этика научного общения; 6. Общество и ответственность ученых за судьбы мира (вместо заключения). Следовательно, М.Г. Лазар писал о необходимости выработки как внутринаучных форм контроля (норм этики ученого), так и внешних, социальных форм контроля, о гражданской и нравственной ответственности ученых и науки, а также об общенаучных и дисциплинарных этических формах самоконтроля ученых [см. например: 5; 10, с. 81–113]. При этом подчеркивалось возрастание значимости и возможностей дисциплинарных форм са-

моорганизации и самоконтроля ученых (ассоциаций, обществ и т. п.), вырабатывающих свои профессионально-этические кодексы, свои этические комитеты и комиссии.

Как явствует из хронологии перечисленных научных публикаций, горбачевская «перестройка», несомненно, способствовала открытому обсуждению накопившихся социально-этических проблем науки, точно так же, как конец советской власти и распад СССР ошутимо отвлекли внимание российских исследователей от данной проблематики. До 2004 г., 75-летнего юбилея акад. И.Т. Фролова и появления сборника «Наука. Общество. Человек», в котором есть статьи, посвященные этике науки [см.: 38, 26], практически этой тематикой продолжал заниматься узкий круг исследователей, в том числе и автор этих строк, с 1992 года постоянно публикующий статьи в международном ежегоднике «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», который выходит в Санкт-Петербурге под редакцией С.А. Кугеля. Международный ежегодник издается на базе выступлений участников Международной школы социологии науки и техники, организуемой в Санкт-Петербурге с 1994 г. усилиями С.А. Кугеля и не без активной помощи автора данной статьи. В 1992 г. в Петербурге был издан учебник «Введение в социологию науки» в двух частях, где есть глава «Этика научной деятельности» автора этих строк. Там же (во второй части) впервые на русском языке опубликована работа Р. Мертона «Эффект Матвея в науке». Кроме этих публикаций, в 1989 г. появляется реферативный сборник «Этика биомедицинских исследований» под редакцией Б.Г. Юдина [33], аналитический обзор В.Т. Виноградовой в 1993 г. и курс лекций Н.В. Мироновой «Этика научного сообщества» — 1994 г. [1], а в 2000-м в Петербурге — сборник статей и рефератов «Социология науки» [25]. В нем содержится реферат книги Дж. Займена «Реальная наука», касающейся и изменений в этосе постакадемической науки. В 2001 г. в «Журнале социологии и социальной антропологии» (СПб) вышла статья М.Г. Лазара «Этика науки как новое направление социологии науки», подводящая предварительные итоги исследований по данной теме в XX в. [8].

Последней по времени значимой работой в этой области является монографическое исследование «Этос науки», вышедшее в 2008 г. в Москве [18]. Практически все статьи этого сборника так или иначе отвечают его названию и касаются проблем регуляции науки с учетом изменившихся социальных условий и нравов в самой науке. Особо можно выделить статьи Г.С. Батыгина, Н.В. Деминой, Л.П. Киященко, Е.З. Мирской, А.А. Огурцова, В.Н. Поруса, В.С. Степина, В.Г. Юдина и др.

Что касается оценки новшеств в содержании этоса науки, то мнения авторов на этот счет разделились. Но осознание постоянно возникающих этических проблем в научной деятельности побуждает российских и зарубежных ученых возвращаться к представлениям об этосе нау-

ки, ее нормах и ценностях, отталкиваясь от идей Р. Мертона или споря с ним. Остановимся подробнее на этом аспекте. В зарубежной литературе за последние десятилетия предложено несколько вариантов норм (или скорее — анти-норм) науки (Р. Богуслав, И. Митрофф, С. Фуллер, Дж. Займен), составляющих якобы этос современной науки, независимо от того, как понимается сама наука: как сложная саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система научного познания или как форма деятельности ученых и тем самым как специфический социальный институт. Например, американский физик Дж. Займен (1925–2005), много рефлексировавший о современной науке, в своих работах [41, 42] предложил очередную «нео-мертоновскую» концепцию этоса науки, поскольку, как он считал, вместе с переходом от «малой науки» к «большой науке» в конце 1960-х гг. традиционное академическое сообщество было существенно потеснено новым — постакадемическим, более прагматичным и ориентированным скорее на поиск выгод, чем научной истины. Для него характерны иные нормы жизнедеятельности, новая система норм. Во главу угла *ставится этика полезности, жесткая конкуренция и желание зарабатывать*. Исследовательские группы нередко трансформируются в малые бизнесы, а форум научных мнений преобразуется в реальный рынок исследовательских услуг. В противовес «идеалистичной» системе норм Мертона (CUDOS+OH), Дж. Займен предлагал систему PLACE (Proprietary, Local, Authoritarian, Commissioned and Expert work [подробнее, см.: 35, с. 158–161; 41, 42]).

На наш взгляд, предлагаемые им нормы отражают не столько новые социальные условия науки, которые, действительно, изменились в сторону поиска выгоды, утилитарности, сколько реалии определенного уровня современной науки — эмпирической, прикладной, то есть науки, работающей «на потребу дня», в то время как *мертоновские нормы отражали скорее реалии фундаментальной («академической») науки*. Сам Займен понимал, что предложенные им нормы отражают скорее отклонения, нарушения «духа чистой науки», чем «реальную науку», как он любил выражаться. Нам представляется, что *система норм Займена не только не снимает или не отрицает нормы Мертона и тем более его концепцию «амбивалентности» ученых, но и существенно их подкрепляет*.

Оценивая место и роль норм, подобных PLACE Дж. Займена, следует учесть, что Р. Мертон, создавая в 1930–1940 гг. систему норм, названную позже CUDOS, в последующих работах показал, вопреки обвинениям критиков, свое прекрасное осознание противоречивости их проявления, их «идеализм» и «внеисторичность». Как не раз свидетельствовала история науки, критики Мертона проявляют весьма распространенное в мире непонимание специфики морали, ее элементов в регуляции любых профессиональных и социальных отношений. В этом «виноват» и сам Мертон, который хотел вывести «науку ради

науки», «идеальное» в науке, поскольку для научного сообщества и института науки в целом основной целью является изучение объекта в «чистой форме». Но Мертон неоднократно подчеркивал мысль о том, что его нормы этоса науки — это нормы-идеалы, к которым ученые проявляют весьма двойственное, «амбивалентное» отношение.

Все дело в том, как понимается мораль, этика и ее нормы, в том, что большинство авторов, рассуждающих об этосе науки, применяли социологический или философский, но не этический подход. *Этический же подход* обязывает учесть, что у морали и нравственности есть такая особенность — выразить *должное* в обществе, в любом типе социальных отношений. Мораль как общеобязательность, как форма поведения, отношений и сознания людей имеет силу положительного примера и высшего образца, но фактически не может стать повседневным правилом каждого. Всеобщность в принципе, но исключительность на практике — такова форма противоречия между должным и сущим, которая разрешается в категории нравственного идеала. *Нравственное должное и сущее (то есть реальная социальная практика), как отмечал еще И. Кант, не совпадают.* Должное является тем идеалом социальных отношений, к которому стремятся люди в своей деятельности [подробнее см.: 6, с. 16–19]. Этика как наука может обосновывать это моральное должное, объяснять его или создавать новые этические системы. В этом смысле записанные нормы — всегда интеллектуальные конструкции, проекты. Но без этих норм-идеалов, без должного, общество и любой его институт распадаются. Применительно к науке это означает, что нормы CUDOS Мертона и были попыткой сформулировать это «должное» в науке как социальном институте, в то время как «реальная наука», по Займену, — это сущее, практика, которая сплошь и рядом допускает отклонения. Они и отражены в нормах PLACE. Конечно, реалии науки конца XX и начала XXI вв. иные, чем в 40–60-е гг. XX в. и тем более предыдущего периода. В этом критики Мертона правы. Но если «анти-нормы» или «контрнормы» отмеченных авторов и нормы PLACE Дж. Займена станут «должным» в науке, последняя перестанет существовать, она превратится в коммерцию. Иными словами, наличие отступлений от идеальных норм науки, сформулированных Мертоном и его сторонниками, не свидетельствует о преходящем характере норм, их неверности, устаревании и проч., а ровно наоборот — укрепляет их значимость и роль для практики современной науки, которая ударились в «материализм» и коммерцию. Нормы PLACE как одно из проявлений современной прикладной (реальной) науки — тоже не вездесущи и не значимы для всех категорий ученых, о чем свидетельствуют результаты социологического изучения мотивации российских ученых [см.: 16, с. 140–141]. Они подтверждают *главный тезис этического подхода к науке: «сущее» в очередной раз не совпадает с*

«должным», что не отменяет его роль в качестве регулятора науки и общества в целом. Мертон лишь сформулировал в свое время это «вечное Должное» науки, которая нуждается в социальном контроле и нравственном самоконтроле. Этика науки и этика ученого и есть формы нравственного самоконтроля в науке. Об этом свидетельствует повсеместное принятие дисциплинарных профессионально-этических кодексов, регулирующих деятельность ученых в разных странах и науках. Дисциплинарные профессионально-этические кодексы — форма «должного» в современной науке — регулируют сегодня отношения ученых.

Соглашаясь с некоторыми идеями одного из авторов коллективной монографии «Этос науки» Н.В. Деминой, категорически нельзя согласиться с ее тезисом о том, что с начала 1970-х гг., когда теоретическую концепцию Мертона начали проверять на практике, «солнце мертоновской аналитической парадигмы померкло» [35, с. 145]. На наш взгляд, не «мертоновская исследовательская программа» (термин, слишком натянутый для того времени), не мертоновская парадигма социологии науки померкла и потеряла популярность, а для части ученых, как в зарубежной, так и в отечественной науке, стали чрезмерно значимыми коммерческий дух, ориентация на личный успех и большие доходы, а порой и на махинации, связанные с обильными бюджетными вливаниями по «проектам», «программам», грантам, то есть для определенных групп ученых стала процветать мораль «купи-продай», мораль утилитаризма. А это не есть нравы всей науки. «Этос науки», по Мертону, — это «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» [40, р. 268-269] и остаются преобладающими регуляторами науки. Можно вполне разделить мнение авторов вступительной статьи Л.И. Киященко и Е.З. Мирской к монографии «Этос науки» о том, что «непрерывно расширяющееся публичное обсуждение этических проблем науки, оказывающее влияние на общественное мнение, воздействует и на саму науку. В исследовательской практике неуклонно растет число ситуаций, в которых учет этических требований необходим, чтобы сформулировать потенциально реализуемый научный проект» [35, с. 11-12]. Задача этики науки — раскрыть нравственное содержание этих новых ситуаций, указать альтернативы нравственного выбора ученых в этих ситуациях. Теперь, действительно, в самих научных исследованиях этика и мораль выступают не только в регулятивной, но и в инструментальной роли, а этические соображения стали выполнять конститутивные функции.

Следовательно, продолжение исследований в области этики науки — практически необходимое занятие специалистов-этиков и науковедов, необходимость объединения усилий которых доказана социальной практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова Т.В.* Этические проблемы творчества ученого. Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1993.
2. *Ганжин В.Т.* Нравственность и наука. М.: Знание, 1978.
3. Киященко Л.П., Мирская Е.З. Этнос науки в эпоху перемен: философия, социология, этика // Этнос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 7–21.
4. *Кобляков В.П.* Научно-технический прогресс и нравственность // Молодежь и образование / Отв. ред. В.Т. Лисовский. М.: Молодая гвардия, 1972.
5. *Лазар М.Г., Лейман И.И.* НТР и нравственные факторы научной деятельности. Очерки этики науки. Л.: Наука, 1978.
6. *Лазар М.Г.* Нравственность и организационные формы российской науки // Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период. Ч. II. СПб.: Гидрометеиздат, 2003.
7. *Лазар М.Г.* Специфика морального регулирования в современной науке // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Междунар. ежегодник. Вып. XVI. СПб. 2001.
8. *Лазар М.Г.* Этика науки как новое научное направление социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3.
9. *Лазар М.Г.* Этика науки. Философско-социологические аспекты взаимоотношений науки и морали. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
10. *Лазар М.Г.* Этические аспекты внедрения новейших технологий // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Междунар. ежегодник. Вып. IX. СПб. 1995.
11. *Лазар М.Г., Лейман И.И.* Мораль и наука. К вопросу о влиянии нравственных норм на эффективность научного исследования // Човекът в научната дейност. София, 1975 [на болг. яз.].
12. *Лазар М.Г., Фирсов Б.М., Ядов В.А.* Профессиональная мораль в социологии // Социологические исследования. 1988. № 5.
13. *Медянцева М.П.* Нравственная ответственность ученых в условиях НТР. М.: Знание, 1977.
14. *Медянцева М.П.* Ответственность ученого как социально-этическая проблема. Казань: КГУ, 1973.
15. *Миронова Н.В.* Этика научного сообщества: Курс лекций / Н.В. Миронова; Моск. гос. инж.-физ. ин-т (техн. ун-т). М.: МИФИ, 1994.
16. *Мирская Е.З.* Этнос науки: идеальные мотивы и повседневные реалии // Этнос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 108–143.
17. *Мирская Э.З.* Этические регулятивы научной деятельности // Вопросы философии. 1975. № 3.
18. *Мотрошилова Н.В.* Нормы науки и ориентации ученого // Идеалы и нормы научного исследования / А.И. Зеленков, А.П. Огурцов,

- В.С. Степин [и др.]; ред.-колл.: М.А. Ельяшевич, В.А. Лекторский [и др.]; ред.-сост. В.С. Степин. Минск: Изд-во БГУ, 1981.
19. Наука и нравственность / Под ред. В.И. Толстых. М.: Наука, 1971.
 20. Наука, образование, нравственность / Ю.Н. Тундыков. М.: Знание, 1980.
 21. Наука, этика, гуманизм. Круглый стол // Вопросы философии. 1973. № 6, 8.
 22. *Полушин Г.И.* Моральная ценность научных знаний. М.: Знание, 1984.
 23. *Полушин Г.И.* Нравственная функция научной деятельности. М.: Знание, 1981.
 24. Социализм и наука. М.: Политиздат, 1984.
 25. Социология науки. Статьи и рефераты / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Гидрометеоздат, 2000.
 26. *Степин В.С.* Проблемы философии, социологии и этики науки // Наука. Общество. Человек. К 75-летию акад. И.Т. Фролова / Рос. акад. наук, Ин-т человека; [ред.-сост.: Г.Л. Белкина, В.Н. Игнатъев]. М.: Наука, 2004.
 27. *Тундыков Ю.Н.* Этика научного творчества. М.: Знание, 1978.
 28. *Фролов И.Т.* Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Диалектика в науках о природе и человеке. М.: Наука, 1983. С. 151.
 29. *Фролов И.Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // Природа 1976. № 1.
 30. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы, дискуссии. М.: Политиздат, 1986.
 31. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: сфера исследования, проблемы и дискуссии // Вопросы философии. 1985. № 2.
 32. *Шишкин А.Ф.* Об этике ученого // Вопросы философии. 1966. № 3.
 33. Этика биомедицинских исследований: Реферативный сборник / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: ИНИОН 1989.
 34. Этические проблемы научного исследования / Отв. ред. М.М. Карпов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1975.
 35. Этнос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008.
 36. *Юдин Б.Г.* В фокусе исследования — человек: этические регулятивы научного исследования // Этнос науки. М.: Академия, 2008.
 37. *Юдин Б.Г.* Рубежи генетики и проблемы этики // Вопросы философии. 1975. № 10.
 38. *Юдин Б.Г.* Этика науки: 30 лет спустя // Наука. Общество. Человек. Человек. К 75-летию акад. И.Т. Фролова / Рос. акад. наук, Ин-т человека; [ред.-сост.: Г.Л. Белкина, В.Н. Игнатъев]. М.: Наука, 2004. С. 35–41.
 39. *Юдин Б.Г.* Этика научного исследования // Природа. 1980. № 10.
 40. *Merton R.K.* The Sociology of science: Theoretical and empirical investigations. Chicago, IL: University Of Chicago Press, 1973.
 41. *Ziman J.* Prometheus bond. Science in a dynamic steady state. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
 42. *Ziman J.* Real science. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.